

ЭДУАРД ПОДВЕРБНЫЙ

ПАР-МОРОК.
Хозяин Чёрной Бани

СЛАВЯНСКОЕ ФЭНТЕЗИ

Эдуард Подвербный

Пар-Морок. Хозяин Чёрной Бани

«Автор»

2026

Подвербный Э. А.

Пар-Морок. Хозяин Чёрной Бани / Э. А. Подвербный —
«Автор», 2026

Добро пожаловать в Глухоморье — место, где поезда тонут в клубках тумана, а в каждой бане живёт свой Хозяин. Старший следователь Тайного Приказа Глеб Северов привык к смерти. Но то, что он видит в бане на Крапивной улице, не укладывается в голове: три человеческие оболочки, выпаренные изнутри до костей. Ни крови, ни следов борьбы, только странный веник с чёрной лентой в остывшей печи. Вместе с учёным-этнографом Верой Залесской Северов встаёт на след местного духа — Банника. Но наказание за нарушение древних правил оказывается лишь началом цепочки зловещих событий. Кто-то пытается открыть Врата в Навь, и этот «кто-то» — не просто дух, а древняя сила, жаждущая свободы. Северову предстоит не только расследовать убийства, но и сделать невозможное — заключить союз с теми, кого люди боятся больше смерти. Ведь если Врата откроются, мир Яви поглотит тьма.

© Подвербный Э. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Прибытие	5
Глава 2. Чужая кровь	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Эдуард Подвербный

Пар-Морок. Хозяин Чёрной Бани

Глава 1. Прибытие

(Глухоморье, Еловка. 12 сентября 1908 года от Рождества Христова)

Паровоз закричал так, будто ему выдирали глотку.

Глеб Северов поморщился. Он не любил поезда. Слишком много железа, слишком много шума, а главное — слишком много людей. В тесном вагоне третьего класса воняло потом, махоркой и мокрой овчиной. Пахло жизнью — густой, телесной, нечистой.

Глеб сидел у окна, отвернувшись, и смотрел, как проплывают мимо глухоморские леса.

Чёрные ели стояли стеной, подступая почти вплотную к насыпи. Их макушки тонули в низком, рваном тумане. Казалось, что это не деревья, а зубья огромной гребёнки, которой Навь расчёсывает свои гнилые волосы.

Глеб знал: всё, что кажется, — здесь правда.

— Господин Северов!

Он повернулся.

На соседней скамье сидела девушка. Миниатюрная, русые волосы убраны в тугую, почти монашеский пучок. Огромные очки в роговой оправе делали её глаза неестественно большими, как у совы, которую разбудили среди белого дня. На коленях — раскрытый саквояж, из которого торчали бумаги, карты и какой-то прибор с медными шестерёнками.

Вера Залесская. Младший учёный-этнограф Императорской Академии. Прикомандирована к Тайному Приказу «для полевой практики».

Глеб прочёл её личное дело ещё в столице. Двадцать шесть лет. Незамужняя. Дочь профессора. Автор трёх монографий о фольклорных традициях северных губерний. Ни разу не выезжала за пределы Петербурга.

И вот теперь она здесь.

— Господин Северов, я хотела бы уточнить протокол взаимодействия с местными духами. В инструкции сказано, что первым делом надлежит установить контакт с Домовым. Но в монографии профессора Холмогорова утверждается, что в Глухоморье главенствует Банник, а Домовой занимает подчинённое положение. Кому верить?

— Конечно же Холмогорову.

— Благодарю. А почему?

— Потому что Холмогоров был здесь лично, — Глеб достал портсигар. — А инструкцию писали в Петербурге. Тёплые кабинеты, горячий чай, ни одного духа на сто вёрст вокруг. Идеальные условия для составления инструкций.

Вера помолчала.

— Вы всегда такой... язвительный?

— Нет. Обычно я сплю. Но в поездах это у меня плохо получается.

Он закурил. Горький травяной дым поплыл по вагону. Соседи — угрюмые мужики с мешками, баба с курицей в корзине — покосились, но промолчали.

Вера достала из саквояжа блокнот и карандаш.

— Вы позволите записывать? Для отчёта.

— Пишите что хотите. Отчёт всё равно никто не прочтёт.

— Почему же?

Глеб выпустил струйку дыма в потолок.

— Потому что, Вера... простите, как вас по отчеству?

— Можно просто Вера.

— Потому что, Вера, если мы справимся, ваш отчёт положат в архив и забудут. А если не справимся, его прочтут на наших похоронах. При условии, что будет что хоронить.

Поезд дёрнулся, замедляя ход.

За окном поплыли первые строения: покосившиеся избы, чёрные от времени срубы, огороды, заросшие лебедой. Ни души. Только дым из печных труб говорил о том, что здесь ещё живут люди.

Станция Еловка.

Глеб поднялся. Он был высок, жилист, и его фигура в длинном чёрном пальто с серебряными пуговицами походила на силуэт висельника. Левая сторона лица стянута старым ожогом — шрам сползал от виска к подбородку, делая лицо асимметричным, жутковатым. Серые глаза смотрели из-под полуопущенных век — усталые, ничего не желающие видеть.

— Берите вещи, — сказал он. — Мы на месте.

Станция встретила их тишиной.

Не той благодатной тишиной, что бывает в сонный полдень, а иной — вязкой, плотной, как вата, обмотанная вокруг ушей. Вороны на телеграфных проводах сидели молча, склонив головы набок. Они смотрели на прибывших, но не каркали. Словно чего-то ждали.

Глеб сплюнул через левое плечо. Вера это подметила.

— Это такое суеверие?

— Это такая привычка. Между прочим полезная.

— От чего?

— От всего.

Глеб первым спустился на перрон. Вера — за ним, неуклюже волоча саквояж и коробку с приборами.

Станционный смотритель — сутулый мужичонка в застиранной фуражке — стоял у дверей и нервно мямлял в руках сигнальный флажок. Он явно ждал именно их.

— Господин... Северов? — голос у смотрителя был сиплый, простуженный.

— Он самый. А вы, полагаю, не ротмистр Жихарев.

— Никак нет. Я смотритель. Михеич. Ротмистр велел передать, что занят. Неотложные дела. В городе... происшествие.

Глеб переглянулся с Верой. Та уже раскрыла блокнот.

— Что за происшествие?

Смотритель замаялся. Его глаза бегали: на Глеба, на Веру, на поезд, который уже давал гудок к отправлению, словно хотел поскорее убраться отсюда.

— Баня, — выдавил он наконец. — На Крапивной улице. Там... тела. Три штуки.

— Трупы? — уточнила Вера деловым тоном.

— Какие там трупы, барышня... — смотритель перекрестился. — Оболочки. Кожа одна. Внутри — пусто. Будто выпарили всё, что было. До костей.

Глеб затаился в последний раз, бросил окурок на землю и растёр его сапогом.

— Показывайте.

Крапивная улица петляла вдоль оврага, на дне которого сочился мутный ручей. Избы здесь стояли редко, словно старались держаться подальше друг от друга. Заборы уже давно покосились, ворота заросли бурьяном. Глухоморье показывало приезжим своё истинное лицо — не то, что встречает на станции, а то, что прячется в глубине дворов.

— Давно здесь служите? — спросил Глеб, не оборачиваясь.

Михеич семенил рядом, то и дело отирая лоб застиранным платком.

— Двадцать три года. Сразу после Турецкой кампании определили. Я ведь, ваше благородие, из солдат. Ранение имел — колено прострелено. Куда такому в строй? Вот и поставили на станцию. Думал, тихое место. Как же я ошибался.

— Отчего же?

Смотритель опасливо покосился на Веру, которая шагала чуть позади с блокнотом наготове, и чуть понизил голос:

— Здесь, ваше благородие, всегда беспокойно было. Духи пошаливали. То домовый скотину напугает, то овинник сено подпалит. Но чтоб такое... — он махнул рукой в сторону Крапивной. — Такого не бывало. Людей резали, бывало. Топили. А чтоб выпаривали... Это ж не человек. Это ж Он самый.

— Кто — он? — Вера тут же оказалась рядом.

Михеич осёкся. Его кадык дёрнулся.

— Не при барышне бы...

— Барышня, — перебил Глеб, не сбавляя шага, — состоит в штате Тайного Приказа. И имеет допуск второй степени. Говорите как есть.

Вера бросила на Глеба короткий взгляд — в её деле значился допуск третьей степени для архивной работы. Но она решила промолчать. И правильно сделала.

— Банник это, — выдохнул Михеич. — Хозяин. Больше некому.

— Банник никогда не убивает просто так, — сказал Глеб. — Он наказывает за нарушение его правил. Либо это не он, либо кто-то очень сильно его разозлил. Что здесь произошло за последнюю неделю?

Михеич задумался. Он перебирал в памяти события, и на его лице проступала та особенная гримаса, какая бывает у людей, которые вдруг осознают: все знаки были, просто никто не хотел их видеть.

— А ведь и правда... Второго сентября, аккурат на Самойлов день, ротмистр Жихарев приезжал на станцию. С ним четверо солдат и фельдшер. Весёлые такие. Говорили, едут в Серебряные Ключи.

— Зачем? — Вера уже строчила в блокноте.

— Не докладывались. Но слышал я краем уха — говорили про «источник» и про то, что «надо бы прибрать к рукам, пока столица не пронюхала».

Глеб остановился.

— Жихарев ездил в Чёрную Баню?

— Выходит, так.

— Один?

— С фельдшером и солдатами. А вернулись только трое: ротмистр, фельдшер и один рядовой. Остальные... — Михеич осёкся. — Вот как раз после этого и началось. Сначала баня на Прядыльной улице — там старуха обварилась насмерть. Потом на Кузнечной — мужик угорел до полусмерти. А теперь вот это.

Глеб и Вера переглянулись.

— Почему вы не сообщили в Приказ раньше? — спросила Вера.

— А кому сообщать? Ротмистру Жихареву? Так он сам там был. Он же мне и приказал: «Молчи, Михеич, коли жить хочешь». А я-то человек маленький.

Глеб тронулся дальше. До бани оставалось шагов сто.

— Теперь это уже не имеет значения, — бросил он через плечо. — Кто ещё знает о том, что Жихарев ездил в Серебряные Ключи?

— Да вся Еловка, поди. Тут слухи быстрее ветра.

— Плохо.

— Почему плохо? — спросила Вера.

— Потому что, если Банник решил, что его оскорбили, он будет наказывать всех, пока ему не выдадут виновного. А Жихарев — не тот человек, который признает вину.

Они вышли к крайней избе. За ней, у самого оврага, чернел покосившийся сруб с провалившейся крышей. Из трубы дым не шёл — баня была нетоплена, но Глеб ещё за десять шагов почувствовал запах. Сладковатый, приторный. Запах варёного мяса.

— Вера, — сказал он тихо. — Дальше я пойду один.

— Но...

— Это не обсуждается. Если вы мне понадобится, я позову. А пока — стойте здесь и записывайте. Михеич, останьтесь с ней.

Смотритель с готовностью замер на месте.

Глеб поправил воротник пальто, проверил внутренний карман — там лежало то, что он всегда носил при себе: серебряный прут, заговорённый в Троице-Сергиевой лавре, пузырёк со святой водой и папиросы с полынью. Против Банника это не оружие. Но хотя бы выиграет немного времени.

Глеб толкнул дверь.

Она подалась легко, без скрипа — кто-то уже смазал петли. Это подозрительно.

Внутри было темно. Свет проникал только через щели в стенах и маленькое окошко под потолком, затянутое бычьим пузырём.

Глеб шагнул внутрь.

Предбанник. На лавке — чья-то одежда, аккуратно сложенная. Сапоги под лавкой. Ни следов борьбы, ни крови. Обычная баня.

Кроме запаха.

Он прошёл в парную.

И остановился.

Три тела лежали на полках — одно на верхнем, два на нижнем. Позы были спокойные, почти безмятежные. Руки вытянуты вдоль туловища. Глаза закрыты. Ни ран, ни синяков.

Но кожа...

Глеб подошёл ближе, стараясь не касаться. Кожа у всех троих была неповреждённой, но странно прозрачной, как у варёной рыбы. Она обтягивала кости неестественно плотно, а под ней не угадывалось никаких тканей: ни мышц, ни жира, ни органов. Только кости и пустота.

Их и вправду выпарили.

Изнутри.

Он присел на корточки возле тела на нижней полке — молодого мужчины с жидкой бородкой. На шее, под левым ухом, виднелась маленькая отметина: два крошечных отверстия, расположенных слишком ровно, чтобы быть случайностью. След от укуса? Или от чего-то другого?

Глеб достал серебряный прут и осторожно прикоснулся к отметине. Никакой реакции. Значит, не упырь. Упыриное мясо от серебра дымится.

Он осмотрел камни печи. Они были холодны, но в золе что-то лежало. Глеб нагнулся и вытащил маленький берёзовый веничек — размером с ладонь, перетянутый чёрной шёлковой лентой. На ленте белой ниткой были вышиты знаки — не славянские, не латинские, а какие-то иные, угловатые и чуждые глазу.

Он спрятал веничек во внутренний карман и быстро оглядел помещение. Больше ничего. Никаких следов, кроме этих трёх оболочек.

Выйдя наружу, он сощурился от света и достал папиросу. Его пальцы даже не дрожали — они никогда не дрожали, даже в самые паскудные моменты.

— Ну что там? — Вера подалась вперёд, забыв о предписаниях.

— Три трупа. Характер повреждений — выпаривание внутренних органов без нарушения кожных покровов. На одном теле обнаружена отметина неясного происхождения. В печи найден ритуальный предмет — веничек с чёрной лентой. Предположительно, знак объявления войны.

Глеб закурил.

— Записали?

— Да, — Вера подняла глаза. — Но я не понимаю. Зачем Баннику убивать невинных? Если ротмистр его оскорбил, почему не наказать самого ротмистра?

— Хороший вопрос, — Глеб выпустил дым в серое небо. — Я бы тоже хотел его задать. Лично.

— Вы собираетесь идти к нему? В Чёрную Баню?

— Нет. Сначала — к тому, кто всё это начал.

Он развернулся и зашагал обратно к станции, бросив через плечо:

— Михеич, где находится отделение Приказа?

— На Базарной площади, ваше благородие. Двухэтажный дом с решётками.

— Отлично. Идёмте, Вера. Пора познакомиться с ротмистром Жихаревым.

Базарная площадь встретила их гулом. Несмотря на полдень буднего дня, здесь толпился народ: торговки с корзинами, мужики с подводами, какой-то слепой старик с гусями у входа в трактир. Жизнь в Еловке теплилась, но Глеб сразу отметил: люди жались друг к другу, разговаривали вполголоса, то и дело оглядываясь через плечо. Так бывает, когда над городом нависает что-то, чему нет названия в газетных передовицах.

Двухэтажный дом с решётками стоял в дальнем конце площади. Он был сложен из красного кирпича, но время и сырость сделали его бурым, почти чёрным. Окна первого этажа были забраны коваными решётками. Над крыльцом — вывеска, потускневшая до нечитаемости. Единственное, что выдавало присутствие Приказа, — серебряный герб над дверью: скрещённые берёзовый веник и шпага.

— Однако, — пробормотала Вера, поднимая голову. — Скромно.

— Приказ не любит афишировать своё присутствие, — сказал Глеб. — Особенно в таких местах, как Глухоморье. Чем меньше люди знают, тем спокойнее спят. Старая поговорка.

— Или наоборот, — заметила она.

— Или наоборот.

Они поднялись на крыльцо. Дверь была открыта, но перед ней, как изваяния, стояли двое рядовых с ружьями. У обоих на погонах — серебряная нить: знак того, что они служат в Приказе, а не в обычной армии. Лица напряжённые, под глазами — тени усталости. «Не спят», — подумал Глеб. «Или боятся спать».

— Старший следователь Глеб Северов, — он предъявил удостоверение — серебряную пластину с выгравированным номером и печатью. — Со мной младший сотрудник Вера Залеская. Ротмистр Жихарев ожидает.

Рядовой скользнул глазами по документу и козырнул.

— Проходите, ваше благородие. Ротмистр у себя.

Внутри здание пахло карболкой и старыми бумагами — запах казённого дома, одинаковый от Петербурга до самого глухого уезда. Полутёмный коридор вёл к лестнице. Справа — дверь в канцелярию, откуда доносился стрекот пишущей машинки. Слева — комната дежурного. Пусто.

— Чистенько, — заметила Вера.

— Даже слишком, — Глеб коснулся стены. — Видите? Свежая побелка. А на полу — следы.

Он указал на тёмные разводы у плинтуса. Кровь. Её пытались отмыть, но второпях.

Они поднялись на второй этаж. Здесь коридор был устлан ковровой дорожкой, а стены украшены портретами каких-то военных — видимо, предшественников Жихарева или его кумиров. В конце коридора — массивная дубовая дверь.

Глеб постучал.

— Войдите! — голос за дверью был резким, отрывистым, словно его обладатель привык отдавать команды, а не разговаривать.

Они вошли.

Кабинет ротмистра Жихарева был обставлен с претензией на столичный шик. Резной шкаф с книгами, массивный письменный стол, мягкие кресла, обитые зелёным бархатом. На стене — карта Глухоморья с пометками и булавками. В углу — чугунная печка-голландка, которая сейчас не топилась, но всё равно источала запах золы.

Сам ротмистр стоял у окна, заложив руки за спину. Это был высокий, подтянутый офицер лет сорока, с идеально уложенными усами и пробором, от которого веяло бриллиантином. Мундир сидел на нём как влитой, пуговицы блестели, сапоги сияли. Он походил на картинку из военного журнала — и это настораживало. В Глухоморье так не одеваются. Так маскируются.

— Господин Северов, — Жихарев повернулся. Его лицо было приятным, даже располагающим, но глаза — холодные, оценивающие, без искры. — Рад, что вы наконец прибыли. А это, полагаю, наша юная учёная?

— Вера Залесская, — она сделала лёгкий кивок.

— Наслышан, наслышан. Присаживайтесь.

Глеб остался стоять.

— Мы были на Крапивной, — сказал он без предисловий. — Три тела. Выпаривание. В печи — веничек с чёрной лентой.

Жихарев вздохнул. Он подошёл к столу, взял серебряный портсигар, вынул папиросу, но закуривать не стал — крутил нервно в пальцах, словно раздумывая.

— Я знаю. Мои люди уже доложили. Паршивое дело.

— Почему вы не встретили нас на станции? — спросила Вера.

Жихарев поднял на неё свой взгляд. На мгновение в его глазах мелькнуло что-то похожее на раздражение, но он тут же подавил его внутри.

— Прошу прощения, сударыня. Неотложные дела. Я как раз готовил доклад в столицу.

— О чём?

— О ситуации, — он наконец закурил. — Вверенный мне уезд охвачен беспорядками. Дух, который именует себя Банником, объявил людям войну. Три жертвы на Крапивной — лишь начало. До этого были инциденты на Прядыльной и Кузнечной. Я полагаю, что мы имеем дело с целенаправленной атакой.

— На чём основано это предположение? — Глеб достал из кармана веничек и положил его на стол.

Жихарев нахмурился.

— Что это?

— Вы мне скажите. Вы же местный. Это то, что было в печи, рядом с телами. Похоже на послание. Или на объявление войны.

Ротмистр взял веничек двумя пальцами, брезгливо, словно дохлую мышь. Повертел. Хмыкнул.

— Первый раз такое вижу. Но если это оставил Банник, то это доказательство его преступных намерений. Мы должны действовать на опережение.

— Что конкретно вы предлагаете?

— Конкретно? Ликвидировать угрозу, — Жихарев положил веничек обратно на стол. — У меня есть отряд. У вас есть опыт и допуск. Объединим усилия, ударим по Чёрной Бане, пока он не нанёс новый удар.

— Вы предлагаете атаковать духа первого ранга на его территории, без разведки и без попытки переговоров? — уточнила Вера. В её голосе звучало искреннее изумление.

— Именно так.

— Это же самоубийство.

— Это стратегия, — отрезал Жихарев. — Банник нарушил Пакт. Он убивает мирных жителей. Мой долг — защитить людей.

— Ваш долг — соблюдать протокол, — тихо произнёс Глеб. — А протокол требует сначала попытаться установить контакт. Выяснить причину. И только в случае отказа от переговоров применять силу. Вы ведь знаете об этом, ротмистр?

Жихарев погасил папиросу в пепельнице. Движения его стали резче.

— Протоколы пишут в Петербурге, господин Северов. А здесь — Глухоморье. Здесь у нас другие законы. Другие... существа. Я служу здесь пятнадцать лет и знаю: с этой тварью нельзя договориться.

— Однако Договор тысячу лет работал, — заметила Вера. — Если он нарушен, то кем?

Жихарев метнул в неё взгляд. На этот раз он не скрывал своего раздражения.

— Сударыня, я понимаю вашу научную любознательность, но позвольте дать совет: не лезьте в то, чего не понимаете. Вы здесь на практике. Вот и практикуйтесь. Собирайте свой фольклор. А вопросы безопасности оставьте профессионалам.

Вера вспыхнула, но сдержалась.

— Я здесь по приказу Императорской Академии и с санкции Тайного Приказа, — произнесла она, и в её голосе зазвенела сталь. — Мои полномочия включают оценку полевой обстановки и составление независимого отчёта. Так что, ротмистр, отвечать на мои вопросы вам всё же придётся. Как бы вам это ни нравилось.

В комнате повисла пауза. Глеб посмотрел на Веру с лёгким удивлением — он не ожидал, что такая тихая учёная умеет так изысканно огрызаться.

Жихарев, видимо, тоже не ожидал. Он помолчал, потом криво усмехнулся:

— Хорошо, сударыня. Что же именно вас интересует?

— Меня интересует ваша поездка в Серебряные Ключи второго сентября, — сказала Вера. — С кем вы туда ездили, для чего вы туда ездили и что там произошло?

Лицо ротмистра окаменело. Он перевёл взгляд на Глеба. Тот стоял, прислонившись к косяку, и курил, наблюдая, не вмешиваясь.

— Откуда вы знаете о поездке?

— Станционный смотритель Михеич — прекрасный источник информации, — мило улыбнулась Вера. — Он помнит всех, кто приезжает и уезжает. И он сообщил нам, что вы вернулись не в полном составе. Так что же случилось там, в Чёрной Бане?

Жихарев подошёл к окну. Он стоял спиной к ним, и Глеб видел, как напряглись его плечи.

— Я действительно ездил в Серебряные Ключи, — произнёс он глухо. — Проводил плановую инспекцию. Усадьба считается заброшенной, но по документам она до сих пор числится за Императорским ведомством. Баня на территории усадьбы... Вы сами понимаете, что это такое.

— Нет, — сказала Вера. — Объясните нам всё полноценно.

— Чёрная Баня — это не просто строение, — ротмистр повернулся. — Это место силы. Одно из древнейших в Глухоморье. Там, по поверьям, находятся Врата в Навь. И там обитает Он. Тот, кого местные называют дедом Пар-Мороком.

— Вы пытались его изгнать? — спросил Глеб.

— Я пытался его урезонить! — Жихарев повысил голос. — Я предложил ему сделку: он признаёт власть Приказа, позволяет нашим учёным исследовать источник, а взамен получает... получает официальный статус. Как домовые в столице.

— И что он ответил?

Жихарев потёр переносицу.

— Он не ответил. Он просто... появился. Из пара. Из теней. Я не знаю. Он был везде. И он спросил: «Ты пришёл как гость или как вор?». Я сказал — как представитель закона. Тогда он рассмеялся. И начал убивать моих людей. Одного за другим. Они просто... таяли. Как свечи.

— Выжили только вы, фельдшер и рядовой, — уточнил Глеб.

— Да. Я пытался спасти и остальных, но... — он махнул рукой. — Вы видели, что осталось от людей на Крапивной? Вот то же самое. Только быстрее. Гораздо быстрее.

Глеб молчал. Он докурил папиросу и аккуратно затушил её о подошву.

— Вы лжёте, ротмистр, — произнёс он ровным голосом.

— Что?!

— Банник не убивает без причины. Он наказывает за нарушение правил. Вы пришли в его дом не как гость и не как представитель закона. Вы пришли как вор. Вы хотели взять то, что принадлежит ему — источник, Врата, я пока не знаю. Но вы его оскорбили. И теперь он требует сатисфакции.

Жихарев побледнел. Его рука скользнула к кобуре на поясе.

— Вы забываетесь, Северов. Я ваш начальник.

— Вы — начальник уездного отделения, — поправил Глеб. — А я — старший следователь с особыми полномочиями, прикомандированный к делу центральным аппаратом. По букве устава, в полевых условиях я имею право отстранить вас от расследования, если сочту ваши действия некомпетентными или опасными. Пока я этого не делаю. Но лгать мне не советую.

Он шагнул ближе к столу.

— Я задам вопрос ещё раз. Что вы пытались сделать в Чёрной Бане?

Ротмистр смотрел на него, и в его глазах боролись страх и ярость. Наконец он опустил взгляд.

— Усадьба Серебряные Ключи, — сказал он тихо. — Там не только источник. Там, по документам, которые я поднял в архиве, находится древний артефакт. Камень-Алатырь. Вернее, один из его осколков. Тот, кто завладеет им, сможет повелевать духами. Я хотел... я хотел получить его. Чтобы контролировать Банника. Чтобы в Глухоморье наконец-то наступил порядок.

— Порядок, — повторил Глеб. — Вы хотели поработить Хранителя Врат, который тысячу лет сдерживает Навь, чтобы навести порядок?

— Я хотел как лучше!

— Все так говорят.

Они стояли друг напротив друга. Вера замерла с блокнотом в руке, боясь пропустить хоть слово.

— Теперь слушайте меня, ротмистр, — произнёс Глеб. — Вы вляпались в дерьмо по самые аксельбанты. Ваша самодеятельность спровоцировала конфликт, который может перерасти в полномасштабную войну между людьми и духами. И единственный способ это исправить — пойти к Баннику и попытаться договориться. Вы пойдёте со мной.

— Я?! — Жихарев отшатнулся. — Вы с ума сошли! Он убьёт меня на месте, стоит ему меня только увидеть.

— Возможно, — согласился Глеб. — Но так у него будет сатисфакция. Одна смерть вместо сотен. Это лучше, чем война. Не находите?

Ротмистр не стал ничего отвечать.

Глеб повернулся к Вере:

— Идёмте. Нам нужно найти Домового.

— Домового? — переспросила она, догоняя его уже в коридоре. — Зачем?

— Потому что Жихарев врёт, — сказал Глеб, не оборачиваясь. — Он врёт даже сейчас, когда признался. А единственный, кто может знать правду о том, что случилось в Чёрной Бане, — это духи. Начнём с того, кто живёт среди людей и слышит всё, о чём они говорят. Начнём с Домового.

Они вышли к дому купца Тарасова, который стоял на углу Базарной площади и Прядильной улицы — старый, кряжистый, сложенный из потемневших от времени брёвен, с резными наличниками и высокой крышей. Когда-то здесь кипела торговля, но теперь окна первого этажа были заколочены, а ворота поросли крапивой. Купец разорился ещё в девяностых, а дом так и остался стоять — ничей и в то же время чей-то.

— Вы уверены, что Домовой всё ещё здесь? — спросила Вера, разглядывая заброшенный фасад. — Точнее, что он вообще здесь есть? Люди-то ушли, дом давно пустует. Какой дух станет держаться за такое место?

— Этот станет, — Глеб толкнул калитку. — Домовой Тарас — старейшина местных духов. Он привязан не к людям, а к месту. Когда-то здесь было языческое капище. Вот он и сидит тут с тех самых пор.

— Откуда вы это знаете?

— Читал. В отличие от ротмистра Жихарева, я готовлюсь к своим командировкам.

Калитка подалась со скрипом — долгим, протяжным, похожим на стон. Двор зарос лопухами и полынью. В глубине виднелись хозяйственные постройки: амбар, конюшня и маленькая банька — чёрная, приземистая, с провалившейся крышей. Глеб скользнул по ней взглядом, но ничего не сказал.

Они поднялись на крыльцо. Входная дверь была приоткрыта — ровно настолько, чтобы в щель могла пролезть кошка. Или кто-то поменьше.

— Угощение с собой взяли? — спросил Глеб.

Вера кивнула и достала из саквояжа свёрток: чёрный хлеб, щепоть соли в тряпице и маленький глиняный горшочек с топлёным молоком. Всё, как предписывал протокол.

— Хлеб — очень хорошо, — произнёс Глеб. — Соль — правильно. А вот молоко домовые любят не все. Тарас, насколько я знаю, предпочитает табак.

— Табак? — Вера удивлённо моргнула.

— Он старый солдатский домовый. Раньше здесь жил отставной унтер. Видимо, привык.

Глеб достал из кармана кисет с махоркой — он всегда носил с собой два: один для себя, другой для таких случаев. Идея держать в кармане угощение для духов пришла к нему давно, после случая под Вологдой, когда злой овинник едва не спустил с него шкуру только потому, что Северов пришёл с пустыми руками. С тех пор — никаких визитов без подношения.

Они вошли в дом.

Внутри было сумрачно и пыльно. Старая мебель — стол, стулья, покосившийся шкаф — покрыта слоем серого налёта. На стенах — пятна сырости. В углу, под потолком, висели пучки засохших трав. Пахло мышами и чем-то ещё — тонким, неуловимым, похожим на запах тёплой шерсти.

— Дед Тарас, — произнёс Глеб негромко, но отчётливо. — Старший следователь Тайного приказа Глеб Северов. Я пришёл с миром. Принёс угощение.

Он положил на стол хлеб, соль и кисет с табаком. Вера поставила рядом горшочек с молоком и на всякий случай отошла на шаг.

Сначала ничего не происходило. Потом где-то наверху, на чердаке, послышался шорох — лёгкий, как шаги кошки. Затем скрипнула половица. Ещё одна. Шаги приближались, и вот из тёмного угла, откуда-то из-за шкафа, показалась фигура.

Домовой был мал ростом — не выше пятилетнего ребёнка, но сложением напоминал старика, прожившего долгую и трудную жизнь. Одет в подпоясанную верёвкой рубаху неопределённого цвета. Босые ноги покрыты густой седой шерстью. Лицо — морщинистое, с крупным носом и глубоко посаженными глазами, которые поблёскивали в полумраке, как два уголька. Борода — длинная, спутанная, с застрявшими в ней крошками хлеба и какой-то трухой.

Он подошёл к столу, деловито обнюхал хлеб, лизнул соль и одобрительно хмыкнул. Потом взял кисет, понюхал табак и просиял.

— Махорка... — голос у него был скрипучий, как рассохшаяся дверь. — Давненько меня махоркой не угощали. Ты, видать, знающий, Северов. Не то что этот... хлыщ в мундире.

— Ты о Жихареве? — спросил Глеб.

— О нём, о ком же ещё, — домовый набил воображаемую трубку табаком, щёлкнул пальцами, и из его ладони вырвался крошечный язычок пламени. Он прикурил и выпустил струйку дыма в потолок. — Явился ко мне три месяца назад, когда только в Еловку приехал. Ни здравствуйте, ни поклона. «Я, — говорит, — новый хозяин уезда. Ты, — говорит, — будешь мне служить и докладывать обо всех духах». Представляешь?

— И что вы?

— А что я? Послал его куда подальше. У меня уже был хозяин — купец Тарасов, царствие ему небесное, вот он был человек. А этот — фьють, — домовый издал звук, похожий на плевок. — Пустой. Весь блесстит, а внутри — труха.

Вера достала свой блокнот.

— Дедушка Тарас, — начала она, и домовый, услышав «дедушка», приосанился. — Расскажите, пожалуйста, что случилось второго сентября. В Чёрной бане. Вы знаете что-то про это?

Тарас замолчал. Он затыкнулся махоркой и долго молчал, глядя куда-то в стену.

— Плохое дело, — проговорил он наконец. — Очень плохое.

— Там были люди Жихарева. И фельдшер, и солдаты. Что они делали?

— Не просто люди, — домовый понизил голос. — Фельдшер этот... он колдун. Не из диких, деревенских, а учёный. С книгами. С приборами. Он знал, что делает.

Глеб и Вера переглянулись.

— Что именно он делал? — спросила Вера.

— Он пытался взять Камень.

В комнате повисла тишина. Даже мыши затихли.

— Камень-Алатырь? — уточнил Глеб.

— Осколок его. Сам-то Камень — в Нави, на дне Мёртвого моря. А здесь, в Чёрной Бане, — его осколок. Этот осколок Банник тысячу лет как зеницу ока бережёт. Это замок на Вратах, понимаешь? Если Камень вынуть, Врата откроются. И тогда...

Домовой не договорил. Он подошёл к окну и выглянул на улицу.

— Вы говорили с Ним? — спросил Глеб.

— Говорил, — Домовой вернулся к столу. — На Совете. Четыре дня назад. Он был в ярости. Сказал, что люди нарушили Договор и заплатят. Сказал, что больше не будет Хранителем. Сказал, что теперь он — Судья.

— Но ведь он убивает невиновных!

— Невиновных? — Тарас усмехнулся. — Те трое на Крапивной... Знаешь, кто они? Солдаты из отряда Жихарева. Те самые, что ходили в Чёрную Баню. Они выжили там, но Банник их пометил. Они думали сбежать, спрятаться в городе. Не вышло.

Глеб задумался. Это меняло дело. Банник не нападал на случайных людей — он методично уничтожал тех, кто участвовал в налёте.

— Значит, остался один — сам Жихарев. И фельдшер.

— Фельдшер тоже живой, — кивнул Тарас. — Пока. Но это вопрос времени. Банник не остановится, пока всех не накажет. Он теперь как... как машина. Идёт по следу. И горе тому, кто встанет у него на пути.

Вера захлопнула блокнот.

— Это же решение! Мы должны найти фельдшера. Он — ключ ко всему. Если понять, что именно он делал в Бане, может быть, удастся обратить процесс вспять.

— А Жихарев? — спросил Глеб.

— Жихарев — политик. Ему нужна война. Мёртвый Банник — это повышение. Мёртвый фельдшер — это устранение свидетеля. Вы сами сказали: он врёт.

— Умная девочка, — одобрительно крикнул Домовой. — Сразу видно — не из Приказа.

— Мы можем поговорить с Банником? — спросил Глеб. — Напрямую?

Тарас помолчал. Он докурив трубку, выбил пепел в ладонь и растёр его между пальцами.

— Можешь, — сказал он наконец. — Ты — особый случай, Северов. Таких, как ты, Банник чует за версту. Вы с ним одной крови.

— Что вы имеете в виду?

— Помеченный ты. Он тебя пометил, давно ещё, мальчишкой. Я чую. Все духи чуют. Для нас ты наполовину свой. Может, поэтому он тебя выслушает. А может, сразу убьёт, чтобы не мучился. Тут уж как тебе повезёт.

Вера смотрела на Глеба. Он чувствовал её взгляд — изучающий, цепкий. Она словно впервые увидела его по-настоящему и теперь пыталась понять, кто сидит перед ней: человек, жертва или орудие.

— Я должна пойти с вами, — сказала она.

— Нет.

— Глеб... Господин Северов. Я учёный. Я имею право наблюдать за всем этим.

— А я имею право не брать вас туда, где вас убьют, — он поднялся. — Спасибо, дед Тарас. За сведения и за совет.

— За махорку спасибо, — отозвался Домовой. — Заходи ещё, Северов. С тобой интересно. И барышню приводи. Только в другой раз — с пирогами. Молоко я, честно говоря, не очень.

— Я учту, — улыбнулась Вера.

Когда они вышли на крыльцо, солнце уже клонилось к закату. Длинные тени от домов пересекали Базарную площадь, как трещины на старом зеркале. В воздухе пахло дымом — где-то топили печи.

— Что теперь? — спросила Вера.

— Теперь — Серебряные Ключи, — Глеб закурил. — Завтра, на рассвете. Сегодня уже поздно. Время Банника — ночь.

— А как же фельдшер?

— Вы правы, — Глеб выпустил дым в темнеющее небо. — Фельдшер — ключ. Но не к тому, как успокоить Банника. А к тому, что на самом деле произошло в Бане. Жихарев сказал, что фельдшер выжил. Значит, он где-то в Еловке. Надо найти его раньше, чем это сделает Банник. Или раньше, чем Жихарев прикажет его закопать.

Он повернулся к Вере.

— Вы когда последний раз спали?

— В поезде. Немного.

— Тогда идите в гостиницу. На Базарной площади есть номера для приезжих. Снимите комнату и отдохните. Увидимся с вами утром.

— А вы?

— А я ещё немного поработаю.

Он развернулся и зашагал в сгущающиеся сумерки, не прощаясь.

Вера смотрела ему вслед, пока его силуэт не растворился в тени колокольни. Потом вздохнула, подхватила саквояж и направилась к тусклой вывеске «Номера».

Ей предстояла долгая ночь — не для сна, а для размышлений. О человеке со шрамом. О духе, который объявил войну. И о том, как наука может объяснить то, что отказывается понимать разум.

За спиной у неё, в заброшенном купеческом доме, домовый Тарас смотрел в окно на улицу и качал головой. Он знал больше, чем сказал. Как все духи, он не лгал, но и всей правды не открывал.

Правда была опасной.

И она уже ползла по Глухоморью, как пар из треснувшей печи.

Глава 2. Чужая кровь

(Еловка, ночь с 12 на 13 сентября 1908 года)

Ночь в Еловке наступала быстро, как захлопнувшаяся крышка гроба.

Глеб вышел на Базарную площадь, когда последняя полоска заката ещё тлела над крышами, но уже через четверть часа тьма сгустилась до такой плотности, что даже фонари у трактира казались не источниками света, а жёлтыми дырами, прогрызенными в чёрном сукне. Он закурил и остановился, прислушиваясь.

Город звучал иначе, чем днём. Дневные звуки — гомон толпы, скрип телег, лай собак — уступили место ночным: дальнему вою, шороху в подворотнях, стуку ставней, которые раскачивал ветер. Глухоморье дышало, и дыхание это было неровным, болезненным.

«Время Банника — ночь», — напомнил себе Глеб.

Глеб не сказал Вере всей правды. Он и не собирался ждать до рассвета. Промедление в таких делах стоило жизней, и Глеб знал это лучше многих. Если фельдшер ещё жив — каждая минута работала против него. Если мёртв — каждая минута работала против улик.

Путь его лежал не в гостиницу и не в отделение Приказа, а на Прядильную улицу, где, по словам Михеича, располагалась городская больница. Вернее, то, что местные называли больницей за неимением лучшего описывающего слова.

В кармане у Глеба лежали две вещи, которые он взял у Домового: знание о том, что фельдшер выжил после Чёрной Бани, и адрес. Оставалось только надеяться, что он не опоздал.

Он двинулся в темноту, и тени сомкнулись за его спиной, как вода над утопленником.

Перед ним встало здание. Больницей это заведение называли исключительно из вежливости. Одноэтажный барак с облупившейся штукатуркой притулился к оврагу на окраине Прядильной, как пьяный, боящийся упасть. Над входом покачивалась керосиновая лампа под жестяным колпаком. Стёкла в двух окнах из трёх были выбиты и заколочены досками. Изнутри не доносилось ни звука.

Глеб толкнул дверь.

В нос ударил запах — карболка, застарелая кровь, прелые бинты и что-то ещё, сладковатое и тошнотворное. В полумраке угадывались ряды коек, сдвинутых к стенам. На одной, в дальнем углу, лежал человек — неподвижный, укрытый серым одеялом до подбородка.

— Фельдшер? — негромко позвал Глеб.

Человек не ответил.

Глеб подошёл ближе. Мужчина лет пятидесяти — с измождённым, серым лицом и заострившимся носом. Он дышал часто и поверхностно, как дышит загнанная лошадь. На спинке кровати висела жестяная табличка с фамилией: «Корнеев И. А.».

— Корнеев, — повторил Глеб, присаживаясь на корточки рядом с койкой. — Фельдшер Корнеев, вы меня слышите?

Глаза мужчины дрогнули. Он с трудом сфокусировал взгляд на посетителе. Его губы шевельнулись, но вместо слов вырвался только сип.

— Я из Тайного Приказа. Старший следователь Северов. Мне нужно знать, что произошло второго сентября в Чёрной Бане.

При слове «Чёрная Баня» фельдшер вздрогнул. Его тело напряглось, и он попытался приподняться, но сил хватило лишь на то, чтобы чуть оторвать голову от подушки.

— Не... — просипел он. — Не говорите... Он услышит...

— Кто услышит? Банник?

— Нет... — фельдшер закашлялся. — Он... он уже здесь...

Глеб похолодел. Он резко обернулся.

В дверном проёме никого не было. В окнах — только темнота и доски. Но воздух в помещении вдруг стал тяжелее, плотнее, и Глеб почувствовал то, что чувствовал всегда, когда рядом находилась нечисть: холод в кончиках пальцев и лёгкий звон в ушах. Его дар «Зеркала» включался сам собой — верный признак того, что рядом кто-то есть. Кто-то нечеловеческий.

— Где он? — спросил Глеб. — Где Жихарев?

— Не Жихарев... — фельдшер вцепился в рукав Глеба костлявой рукой. Пальцы у него были холодные и липкие, как у покойника. — Тот... другой. Из Бани. Он приходит по ночам. Стоит у окна. Смотрит. Ждёт. Я пытался уехать, но ротмистр приказал запереть меня здесь. Сказал: «Ты — приманка».

— Приманка для Банника?

— Нет... — Корнеев облизнул пересохшие губы. — Для вас.

Фельдшер снова зашёлся в кашле. На этот раз на его губах выступила кровь — чёрная, вязкая, пахнувшая болотом. Глеб видел такое однажды, под Архангельском, когда Водяной отравил колодец. Это была мёртвая вода. Медленный яд, который убивает человека изнутри, превращая кровь в слизь, а плоть — в гнилое месиво.

— Чем вас поили? — спросил он резко.

— Жихарев... приказал... — фельдшер говорил всё тише, слова давались ему с трудом. — Для моего же блага, сказал. Это защитит... от Него. Но я... я уже мёртвый, Северов. Мёртвый уже неделю. Просто ещё не лёг.

Глеб сжал кулак. Жихарев травил собственного подчинённого, чтобы замедлить его смерть и использовать как наживку. Мёртвая вода убивает медленно, и, пока жертва жива, Банник не может до неё добраться: яд создаёт что-то вроде экрана, отталкивающего духов.

— Зачем Жихареву приманивать меня? — спросил Глеб.

— Вы... вы нужны ему. Чтобы открыть Врата.

— Что?

— Осколок... — Корнеев задышал часто, прерывисто. — Он не просто камень. Он — ключ. Но ключ не работает без... без «Зеркала».

Глеб замер. «Зеркало». Так называли его дар в Приказе. Способность отражать духов, видеть их суть, быть «своим» среди них. Он всегда считал это проклятием, уродством, которое отрезало его от нормальной жизни. А теперь выяснялось, что это ещё и ключ к Вратам Нави.

— Откуда Жихарев знает про мой дар?

— Не он... — фельдшер закатил глаза. — Это всё... Это всё он. Тот, из Нави. Он знает о вас. Он ждал вас. Он...

Корнеев не договорил. Его тело выгнулось дугой, глаза широко раскрылись, уставившись в потолок с выражением запредельного ужаса. Из горла вырвался последний вздох — долгий, свистящий, — и Глеб увидел, как из приоткрытого рта поднимается тонкая струйка пара.

Пар за клубился над койкой, обретая смутные очертания. На мгновение Глебу показалось, что он видит лицо — не Банника, а кого-то другого, старшего, страшного. Лицо с пустыми глазами и ртом, растянутым в беззвучном крике.

А потом всё исчезло.

Глеб остался один в пропитанной смертью комнате. Он постоял немного, глядя на тело. Потом перекрестился — привычка, оставшаяся с детства, когда он ещё верил, что крест помогает защититься от нечисти. Он не верил в это уже давно. Но привычка осталась.

Фельдшер Корнеев был мёртв окончательно. Но перед смертью он успел сказать достаточно, чтобы превратить расследование в нечто гораздо более зловещее. «Тот, из Нави». Не Банник. Кто-то другой. Кто-то, кто знал о даре Глеба и ждал его в Глухоморье.

Глеб осмотрел комнату. Под койкой стоял саквояж — кожаный, с медными застёжками, совсем как у Веры, только более потрёпанный. Он открыл его.

Внутри лежала тетрадь в коленкоровом переплёте, исписанная убористым, нервным почерком. Дневник фельдшера Корнеева. И ещё — стеклянная колба, заткнутая притёртой пробкой. В колбе плескалась жидкость — чёрная, маслянистая, переливающаяся в скудном свете лампы. Мёртвая вода. Та самая, которой Жихарев поил фельдшера.

Глеб взял и то, и другое.

Он вышел из больницы, не оглядываясь.

Ночь стала ещё темнее.

Вера не спала.

Номер, который она сняла в гостинице «Еловка», представлял собой узкую комнату с железной кроватью, колченогим столом и умывальником, из крана которого текла ржавая вода. Обстановка не располагала к отдыху, да Вера и не искала его. Едва за ней закрылась дверь, как она поняла: спать этой ночью не придётся.

Слишком много вопросов. Слишком мало ответов.

Она зажгла керосиновую лампу, разложила на столе свои записи и попыталась систематизировать то, что им удалось узнать за день. Но мысли путались. Перед глазами стояло лицо умирающего фельдшера, которого она никогда не видела, но представляла себе в деталях — измождённое, серое, как у человека, приговорённого к смерти не судом, а чем-то более древним и неумолимым.

«Тот, из Нави», — сказал Тарас. Вернее, не сказал, но дал понять. И Глеб это тоже понял. За всеми событиями в Глухоморье стоял не просто оскорблённый дух, а что-то иное. Что-то, что использовало гнев Банника в своих целях.

Вера достала из саквояжа тетрадь с выписками из архивов Императорской Академии. Ещё в Петербурге, готовясь к командировке, она подняла все доступные материалы по Глухоморью. Их оказалось до обидного мало: несколько этнографических заметок середины прошлого века, пара донесений Тайного Приказа с грифом «секретно» и одна монография — та самая, профессора Холмогорова, которую она упоминала в разговоре с Глебом.

Холмогоров писал о Глухоморье как о «зоне аномальной духовной активности». Он утверждал, что здесь, в глухих лесах и болотах, сохранились духи дохристианской эпохи — те, кого в других губерниях давно вытеснили домовые-служаки и ручные овиnnики. Здесь же обитали те, кого Холмогоров называл «дикими»: Леший, Водяной, Полудница и, главное, Банник.

«Банник Глухоморья, — писал профессор, — представляет собой уникальный случай. В отличие от прочих банных духов, которые обычно являются младшими служебными сущностями, глухоморский Банник обладает чертами божества первого порядка. Он — Хранитель Врат, и в этом качестве он старше самого Пакта. Есть основания полагать, что он был призван в наш мир задолго до Крещения Руси и первоначально выполнял функции стража на границе между Явью и Навью».

Далее шло примечание, которое Вера обвела карандашом ещё в Петербурге, но только теперь начинала понимать его истинный смысл:

«По некоторым данным, Врата в Навь, охраняемые Банником, не являются единственным проходом между мирами. Существует гипотеза о том, что из Нави в Явь может проникать некая сущность, которую древние славяне именовали Мороком. Морок не является духом в привычном понимании — это, скорее, сила, способная вселяться в других существ и влиять на их волю. Некоторые исследователи отождествляют Морока с Чернобогом, однако надёжных подтверждений этой теории нет».

Морок.

Вера отложила карандаш.

Если Холмогоров прав, то за гневом Банника стоял не сам Банник, а Морок — древняя тёмная сила, способная подчинять себе даже таких могучих духов. И если Морок действи-

тельно проник в Глухоморье из Нави, то всё, что происходило сейчас — убийства, война, ультиматум, — было лишь прелюдией. Началом чего-то гораздо более страшного.

Но как это доказать?

Она встала и подошла к окну. За стеклом чернела ночь, и в этой черноте Вера разглядела слабый огонёк. Кто-то шёл по Базарной площади с фонарём. Она присмотрелась — Жихарев? Или кто-то из его людей?

Вера колебалась недолго. Любопытство, которое всегда было её главной движущей силой, пересилило осторожность. Она накинула плащ, сунула в карман блокнот и маленький перочинный нож — единственное оружие, которое у неё было, — и выскользнула из номера.

Ночная Еловка встретила её тишиной и холодом.

Она шла быстро, стараясь держаться в тени домов. Впереди маячил огонёк — его носитель уже подходил к зданию Приказа. Вера ускорила шаг.

У крыльца она увидела то, что заставило её остановиться.

Дверь Приказа была открыта. И не просто открыта — сорвана с петель. Тяжёлая дубовая створка валялась на земле, расколота пополам, словно кто-то выбил её изнутри одним чудовищным ударом. На ступенях темнели пятна — свежие, ещё не успевшие впитаться в дерево.

Кровь.

Вера поднялась на крыльцо, стараясь не наступать на пятна. Внутри здания было темно, только где-то в глубине горел всё тот же фонарь. Она вошла.

В коридоре первого этажа всё было перевернуто вверх дном. Стеллажи с бумагами опрокинуты. На стенах — следы когтей, глубокие, оставившие борозды в штукатурке. Глеб видел такие следы раньше: их оставляли утопленники Водяного. Что ж, похоже, Водяной тоже решил вмешаться. Почуял запах крови и хаоса. Это усложняло дело. И тишина. Глубокая, неестественная тишина, какая бывает в доме, откуда только что вынесли покойника.

— Есть кто живой? — тихо позвала Вера.

Никто не ответил.

Она прошла дальше, в комнату дежурного. Здесь было светлее: фонарь стоял на столе, и при его свете Вера увидела тело. Рядовой, один из тех, что встречали их днём. Он лежал на полу, раскинув руки, и его лицо было застывшей маской ужаса. Но страшнее всего было другое: он был цел. Ни ран, ни крови. Просто мёртв, словно кто-то вынул из него жизнь, оставив оболочку.

Совсем как те трое на Крапивной.

Вера присела над телом и осторожно прикоснулась к его шее. Кожа была холодной, но не ледяной — смерть наступила, возможно, час назад, может, меньше. Никаких отметин. Никаких следов.

Кроме одного.

На тыльной стороне ладони покойного она заметила пятно — тёмное, почти чёрное, похожее на ожог. Она поднесла фонарь ближе и вздрогнула: это был не ожог, а знак. Тот самый угловатый символ, что она уже видела на ленте веничка, найденного Глебом на Крапивной.

Знак Нави.

— Вот вы где, барышня.

Вера резко обернулась.

В дверях стоял Жихарев. Он был без мундира, в одной рубашке с закатанными рукавами, и держал в руке револьвер. Но не это испугало Веру. Испугало её выражение его лица — спокойное, почти безмятежное, какое бывает у человека, который принял решение и больше не мучается сомнениями.

— Ротмистр, — она медленно поднялась. — Что здесь произошло?

— Ничего особенного, — Жихарев шагнул в комнату. — Небольшая уборка. Вы же сами советовали мне найти фельдшера. Я нашёл. Точнее, попытался.

— Это были не вы.

— Разумеется, не я. Я всего лишь позволил событиям идти своим чередом. Знаете, в чём разница между хорошим офицером и плохим, Вера? — он говорил почти ласково, как учитель с нерадивой ученицей. — Плохой офицер пытается всё контролировать. Хороший — знает, когда нужно отойти в сторону и дать врагам перегрызть друг друга.

— Вы говорите о Баннике и фельдшере?

— Я говорю о Баннике и вашем друге Северове, — Жихарев улыбнулся. — Сейчас они оба делают именно то, что мне нужно. Банник ищет виновных. Северов ищет Банника. А я... я жду.

— Чего?

— Когда они встретятся. Потому что, когда «Зеркало» встретится с Хранителем, Врата откроются.

Вера смотрела на него и понимала: перед ней не просто карьерист и интриган. Перед ней — человек, который стал орудием той самой силы, о которой писал Холмогоров. Морок уже здесь. Он уже действует. И он использует Жихарева точно так же, как Жихарев пытался использовать фельдшера.

— Вы не понимаете, что делаете, — сказала она тихо.

— Отчего же? Прекрасно понимаю. Я спасаю Империю, — Жихарев поднял револьвер. — А теперь, будьте добры, пройдите в подвал. Вы — ценный свидетель. И, возможно, приманка получше, чем фельдшер.

Вера не двинулась.

— Северов найдёт меня.

— О, я на это очень рассчитываю, — Жихарев почти сиял. — Именно этого я и добиваюсь.

За спиной Веры скрипнула дверь.

Она обернулась, но увидеть того, кто вошёл, не успела: что-то тяжёлое обрушилось на её затылок, и мир погас.

Глеб вышел из больницы и сразу закурил.

Дневник фельдшера он спрятал за пазуху, колбу с Мёртвой водой — в глубокий карман пальто. И то и другое требовало изучения, но не здесь и не сейчас. Сейчас ему нужны были свет, стол и крепкий чай. И тишина, чтобы осмыслить то, что он услышал.

Он двинулся обратно к Базарной площади. Ночь стала совсем глухой — даже собаки умолкли, даже ветер стих. Еловка замерла, как зверь перед прыжком.

«Вы нужны ему, чтобы открыть Врата. Ключ не работает без Зеркала».

Слова фельдшера крутились в голове, и Глеб не мог отделаться от ощущения, что его заманили в ловушку. Нет, не заманили — загнали, как загоняют волка флажками. Кто-то выстроил цепочку событий: экспедиция Жихарева в Чёрную Баню, неудачная кража Осколка, пробуждение Банника, вызов столичного следователя... Его вызов. Глеба Северова. «Зеркала».

Но кто?

Кто в Тайном приказе знал о его даре? Кто мог направить именно его в Глухоморье?

Глеб мысленно перебрал всех, кто имел доступ к его личному делу. Начальник отдела кадров — старый чиновник, никогда не бывавший нигде дальше Петербурга. Куратор из центрального аппарата — сухой, педантичный службист. Директор приказа — генерал-лейтенант Петров, который лично подписал его командировочное предписание.

Петров.

Глеб вспомнил, как две недели назад его вызвали в кабинет директора. Генерал был краток: «В Глухоморье неспокойно. Местный ротмистр не справляется. Поезжайте, Северов, разберитесь. Вы у нас специалист по трудным случаям».

Трудные случаи. Так в Приказе называли дела, где обычные методы не работали, а смертность среди следователей превышала пятьдесят процентов.

Знал ли Петров? Или он был просто пешкой в чьей-то более сложной игре?

Глеб потёр шрам на лице. Старая отметина, подаренная Банником много лет назад, сегодня саднила сильнее обычного. Может быть, от холода, а может быть, от близости того, кто эту отметину оставил.

Он подходил к гостинице, когда заметил: свет не горит ни в одном окне. Это было очень странно. Обычно в таких заведениях оставляют дежурную лампу — для припозднившихся постояльцев. А Вера наверняка собиралась работать со своими записями. Она не могла лечь спать так рано, не дождавшись, и уж тем более не стала бы гасить свет во всём доме.

Что-то случилось.

Глеб ускорил шаг.

Дверь в гостиницу была открыта. Хозяин — толстый лысый мужчина в засаленном жилете — не спал. Он стоял за конторкой, нервно перебирая какие-то бумаги, и вздрогнул, когда Глеб возник на пороге.

— Господин Северов! — выдохнул он с явным облегчением. — Слава богу. А я уж не знал, кого звать...

— Где девушка? — перебил Глеб. — Та, что сняла номер.

— Так ушла она. С полчаса как. В плаще. Очень спешила.

— Куда? В каком направлении?

— Не докладывалась, — хозяин развёл руками. — Но я в окно видел: в сторону Приказа пошла. Там ещё фонарь мелькал на площади. Будто звал кто.

Глеб выругался про себя и выскочил на улицу.

До здания Приказа он добежал за три минуты. То, что он увидел, заставило его остановиться на бегу.

Входная дверь была сорвана с петель. Дубовая створка, способная выдержать удар тарана, лежала на земле, расколота пополам. На ступенях темнела кровь — совсем свежая, ещё блестящая в скупом свете луны.

Он выхватил револьвер. Снял с предохранителя.

— Вера! — позвал он.

Тишина.

Он вошёл внутрь, переступая через обломки. В коридоре первого этажа всё было перевернуто вверх дном. Стеллажи с бумагами опрокинуты. На стенах — следы когтей. Глеб видел такие следы раньше: их оставляли утопленники Водяного.

В комнате дежурного он нашёл первое тело. Рядовой — тот самый, что сегодня днём козырнул ему на входе. Мёртв. Без ран. Просто выпотрошен изнутри, как и те на Крапивной.

Но было и кое-что ещё.

На полу, рядом с телом, валялся знакомый предмет. Блокнот. Маленький, в клеёнчатой обложке. Тот самый, в который Вера записывала всё с момента их прибытия в Еловку.

Глеб поднял его. Блокнот был раскрыт на последней исписанной странице. Там неровным, прыгающим почерком, каким пишут в темноте или в спешке, было нацарапано всего одно слово:

«Морок».

Он перевернул страницу. Следующая была пуста. Но из блокнота выпал клочок бумаги — смятый, торопливо вырванный. На нём тем же почерком, но более мелким и сбивчивым — видно, что писали в темноте и спешке:

«Глеб, если вы это читаете — меня забрали. Жихарев не тот, за кого себя выдаёт. Он служит не Приказу и не Империи. Он служит Мороку. Я в подвале. Не идите за мной — это ловушка. Он хочет, чтобы вы открыли Врата. Ваш дар — ключ. Не дайте ему...»

Дальше запись обрывалась.

Глеб перечитал записку дважды. Значит, она написала это ещё в номере. Знала, что идёт в ловушку, и всё равно пошла. Храбрая девочка. Глупая, но храбрая. Потом он аккуратно сложил записку и спрятал в нагрудный карман, туда же, где лежал дневник фельдшера.

Жихарев — не просто карьерист. Он — орудие Морока. И теперь у него в руках заложница.

Глеб не колебался ни секунды. Он знал, что это ловушка. Он знал, что именно этого Жихарев и добивается. Но у него не было выбора. Вера была там, в подвале, и каждая минута промедления могла стоить ей жизни.

Он двинулся к лестнице, ведущей в подвал.

Ступени уходили в темноту — глубокую, влажную, пахнущую плесенью и чем-то ещё, неуловимым. Тем, что Глеб чувствовал всегда, когда рядом была Навь. Холод в кончиках пальцев. Звон в ушах. И ещё — странное, почти неодолимое желание идти вперёд.

Он спускался медленно, держа револьвер наготове. Ступенька за ступенькой. Чем глубже, тем холоднее становился воздух. Тем громче звенело в ушах.

Наконец он достиг нижней площадки. Перед ним была массивная металлическая дверь — такие обычно ведут в карцеры или в хранилища для особо опасных артефактов. Она была приоткрыта.

Глеб толкнул створку.

Внутри горел свет — несколько керосиновых ламп, расставленных по углам. Посередине комнаты стоял стол. На столе — та самая «противодуховая» пушка, о которой упоминал Жихарев: медная труба на треноге, заряженная солью и пылью. И два стула. На одном сидела Вера — связанная, с кляпом во рту, но живая. Её глаза расширились, когда она увидела Глеба, и она отчаянно замотала головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.